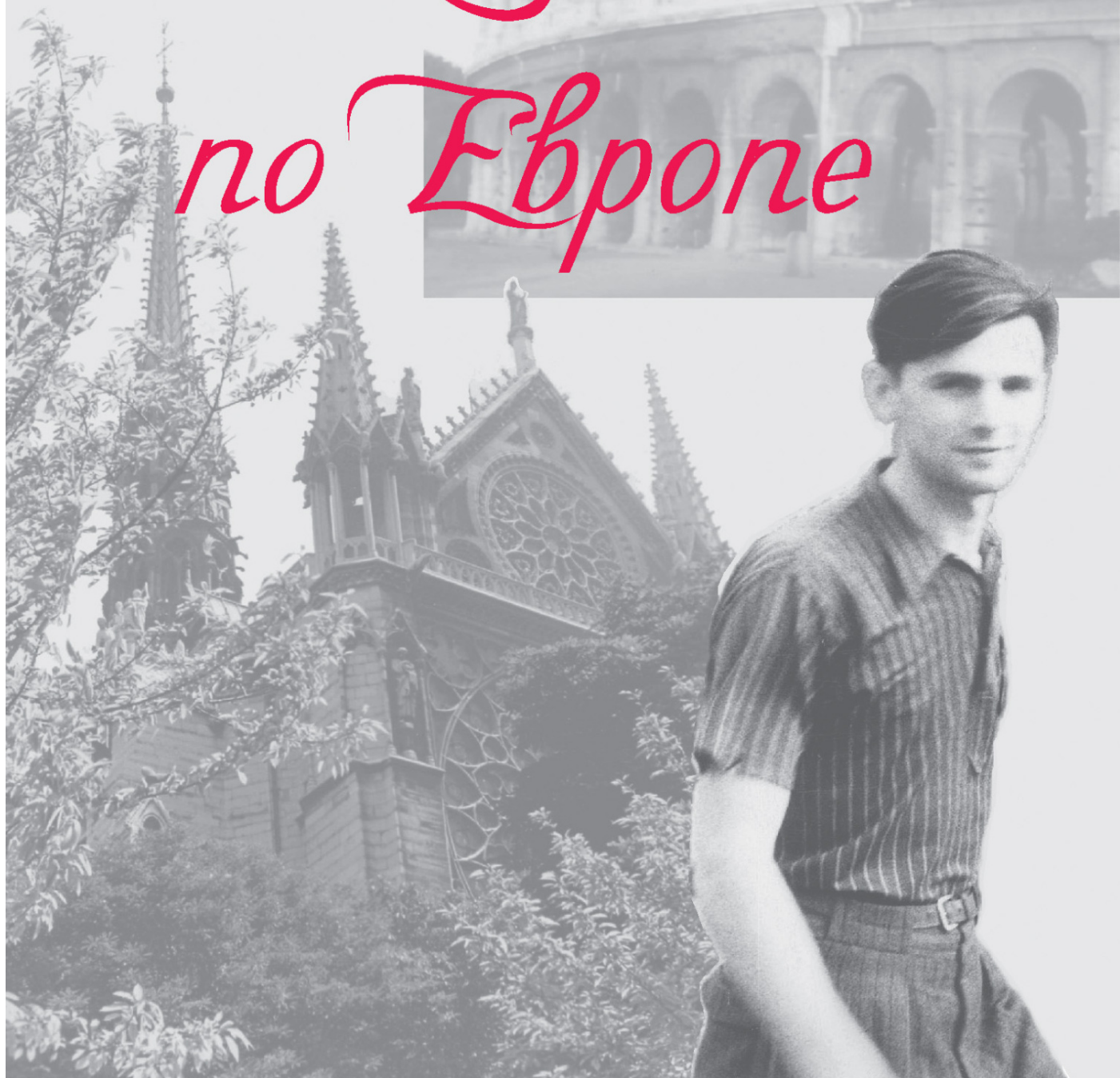

А.А. Зализняк

*Прогулки
по Европе*

Андрей Зализняк

Прогулки по Европе

«Нестор-История»

2018

УДК 82-43
ББК 83.3Р7

Зализняк А. А.

Прогулки по Европе / А. А. Зализняк — «Нестор-История»,
2018

ISBN 978-5-4469-1350-3

В книгу вошли записки и фотографии из путешествий разных лет по странам Европы, прежде всего по Франции и Италии. Отобранные автором в 2004 г. дневниковые записи, выдержки из писем и воспоминания охватывают два разделенных большим перерывом периода – 1956–1957 гг., когда А. А. Зализняк, будучи студентом филфака МГУ, провел год во Франции, и 1988–2003 гг., когда, после падения «железного занавеса», автор совершал регулярные поездки в Европу, читая лекции, встречаясь с друзьями и просто путешествуя. Написанная с исключительной свободой и стилистическим блеском, книга представляет собой увлекательнейшее чтение, по-новому раскрывая многогранную и притягательную личность выдающегося лингвиста. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 82-43
ББК 83.3Р7

ISBN 978-5-4469-1350-3

© Зализняк А. А., 2018
© Нестор-История, 2018

Содержание

Предисловие ко второму изданию	6
От издателей	8
Из парижского года 1956-57	10
Год предыстории	11
Сентябрь 1956	12
Октябрь	14
Ноябрь	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Андрей Зализняк

Прогулки по Европе

© А. А. Зализняк, наследники, 2018

© Е. А. Рыбина, предисловие, 2018

* * *

Предисловие ко второму изданию

Первое издание этой книги вышло в единственном экземпляре в 2005 г. Как это случилось? Близилось 70-летие Андрея Анатольевича Зализняка, и хотелось приготовить ему какой-то нестандартный подарок. Тогда и родилась идея издать книгу тиражом в один экземпляр, автором которой будет сам Зализняк. Вот история текста этой книги.

В 1956 г. произошло невероятное событие – студент IV курса филологического факультета МГУ Андрей Зализняк был отправлен на весь учебный год для продолжения образования в Париж. Поездка во Францию и почти целый год жизни в Париже были для него путешествием в иную реальность, в неизведанный мир, знакомый только по книгам и фильмам. Впервые оказавшись за границей, АА стал вести путевые заметки, чтобы запечатлеть все, что с ним происходило, что его занимало, удивляло и впечатляло во французской жизни. Несмотря на кажущуюся простоту языка и лаконичность изложения, чувствуется, что эмоции переполняли автора заметок. Ведь все было впервые и, казалось, никогда не повторится. Нынешним студентам, с легкостью передвигающимся по миру, это трудно понять.

Вновь АА оказался в Париже лишь спустя 32 года.

В конце 80-х годов прошлого века, когда рухнул «железный занавес» и поездки за границу стали свободными, Зализняк часто и подолгу бывал в Европе. Его ежегодно приглашали читать лекции, как разовые, так и в течение семестра, в университетах Швейцарии, Германии, Италии, Франции. Он был штатным профессором Женевского университета. Так же как и в свое первое пребывание в Европе, АА вел записи.

Возвращаясь из поездок, он часто делился своими впечатлениями, вспоминал и свое пребывание в Париже в 50-е годы. А случалось с ним всякое. Поскольку АА ездил в Европу и передвигался по ней только на поездах, часто со многими пересадками, нередко в его путешествиях происходили разные казусы, иногда ситуации бывали драматичными, но обо всем АА рассказывал с присущим ему чувством юмора, легкой иронией. Мы всегда с большим интересом и удовольствием слушали его рассказы.

В 2004 г. рукописные заметки были переведены в электронный вид, и АА прислал их почитать нам с В.Л. Яниным. Чтение было настолько увлекательным и захватывающим, что, закончив читать, я на мгновение потеряла ощущение реальности. Такова была магия зализняковского слова!

Начался 2005 год, надо было готовиться к предстоящему юбилею АА. Я начала сканировать фотографии из его домашнего архива и свои собственные, чтобы сделать музыкальную видеопрезентацию биографии Зализняка. Одновременно мысль о подарке-сюрпризе для него не оставляла меня. Только в начале апреля в какой-то счастливый момент возникла идея сделать из его путевых записей настоящую книгу, сопроводив текст фотографиями. Были и сомнения – этично ли издавать личные заметки человека без его ведома? Однако, поскольку предполагаемая книга предназначалась для одного читателя, коим был сам автор, сомнения исчезли. Но где найти издателя на книгу тиражом в один экземпляр, которую нужно сделать в короткий срок? К счастью, ученица Андрея Анатольевича Лена Гришина занималась в те годы изданием книг. К слову сказать, именно она издала два тома берестяных грамот (X и XI) и сборник к 70-летию В.Л. Янина.

Лена горячо поддержала мою идею, с ней мы обсуждали формат, переплет, обложку и название книги, набор иллюстраций и множество технических деталей. Не сразу появилось название, ведь надо было объединить две разных части, связанные только единством места. «Поездки в Европу»? – Скучно! «Путешествия по Европе»? – Банально и неточно! В процессе обсуждения родилось название «Прогулки по Европе», которое показалось нам самым подходящим.

Художественным оформлением книги, обработкой фотографий и их размещением в тексте занималась Лена Гришина, которой я передала фотографии для иллюстраций. Для оформления обложки она выбрала, как кажется, идеальный вариант – стремительно идущий молодой Зализняк на фоне римского Колизея. Особенно трудоемкая работа выпала на долю Марфы Толстой, которая в кратчайший срок подготовила верстку текста.

Книгу было решено вручить Андрею Анатольевичу на посвященном его юбилею Новгородском семинаре, который был назначен на 26 апреля 2005 г. События развивались стремительно, поскольку времени оставалось мало. 11 апреля я передала Гришиной фотографии для иллюстраций, 19 апреля была закончена верстка текста, и уже 20 апреля Лена привезла готовый оригинал-макет книги, который в оставшиеся до семинара дни нужно было переплести.

С этим тоже повезло. В Историческом музее в отделе реставрации фондов работала и до сих пор работает Татьяна Викторовна Авдусина, прекрасный специалист по реставрации переплетов старинных книг, а при необходимости и изготовлению новых. Она-то и взялась сделать переплет в короткий срок. 21 апреля я отвезла книгу в переплет, для изготовления которого требовалось несколько дней.

Наступило 26 апреля, по дороге в университет я встретила в метро и получила готовую книгу. Мне она сразу очень понравилась. Это была настоящая книга, оформленная по всем правилам типографского и переплетного дела! На всех этапах она делалась с большим энтузиазмом и любовью к ее автору.

Новгородский семинар 26 апреля начался с научных сообщений А.А. Зализняка и А.А. Гиппиуса о новых поправках к чтению изданных грамот. После этого было объявлено о выходе новой книги А.А. Зализняка «Прогулки по Европе», которую презентовал В.Л. Янин, с присущим ему юмором. Сама книга и ее уникальность произвели ошеломляющее впечатление на всех присутствующих, и прежде всего на самого автора. Идея столь необычного подарка и ее воплощение ему явно понравились. Сюрприз удался!

Когда через три дня я пришла к АА на день рождения, он похвастался, что добавил еще несколько фотографий в книгу. Я поразились: «Как это возможно!» АА показал мне книгу, и я с трудом отыскала в ней вклеенные им фотографии. На этом его участие в создании книги не кончилось. Как автор текста, АА захотел добавить много новых иллюстраций и сделать ко всем фотографиям подписи. В мае – июне он подбирал фотографии, передавал их для обработки Гришиной, после чего вклеивал в книгу. Окончательный авторский вид книга получила в сентябре 2005 г., когда АА вклеил в конце свой список иллюстраций.

После внезапной кончины Андрея Анатольевича в декабре 2017 г. близкие друзья и коллеги решили переиздать эту книгу, чтобы познакомить читателей с еще одной гранью его таланта.

Завидую читателям, которые впервые познакомятся с путевыми заметками Андрея Анатольевича Зализняка. Их чтение настолько увлекательно, что невозможно оторваться. Я знаю многие истории наизусть, но всякий раз, открыв книгу (пока в электронном варианте) в произвольном месте, начинаю ее читать и не могу остановиться.

*Елена Рыбина
Москва, февраль 2018 г.*

От издателей

В настоящем издании текст книги печатается по авторским файлам, в которые А.А. Зализняк внес несколько последних уточнений в мае 2006 г., – без изменений и комментариев. Немногие необходимые исправления касаются размещения иллюстраций и подписей к ним, пунктуации, а также нескольких замеченных опечаток. Фотографии получили подписи из авторского списка иллюстраций. Размещение иллюстраций изменено в соответствии с требованиями полиграфии. Добавлено несколько фотографий из авторского резерва иллюстраций к книге, а также две фотографии, сделанные С.А. Орловым на презентации первого издания 26 апреля 2005 г., и более поздний (2009 г.) парижский снимок. Пунктуация текста в отдельных случаях минимально откорректирована в соответствии с принятыми сейчас нормами.

В подготовке настоящего издания участвовали М.А. Бобрик, А.А. Гиппиус, Анна А. Зализняк, Е.А. Рыбина, М.Н. Толстая, Р. Факкани.

ББК 83.3Р7
З 55

*Издание осуществлено при моральной поддержке
В. Л. Янина и Л. А. Бассальго*

Автор идеи – *Е. А. Рыбина*

При оформлении книги использованы фотографии из архива автора
На последней странице обложки – фото с картины Р. А. Минлоса 1965 г.
«Зализняк в Париже, или Вечная младость»
На форзацах – акварель флорентийского
художника Michele Fasciano

Зализняк А. А.

З 55 Прогулки по Европе / А. А. Зализняк. – М.,
2005. – 237 с.

ISBN 5-1935-2005-4-29

В этой книге крупнейший лингвист современности делится с читателями своими воспоминаниями о путешествиях разных лет по странам Европы, прежде всего, – по Франции и Италии. Книга содержит выдержки из записных книжек автора. Богатый иллюстративный материал позволяет читателю полнее погрузиться в атмосферу описанных путешествий.

Книга предназначена для самого узкого круга читателей, желающих провести несколько часов за упоительным чтением, а также для самого автора, которого его друзьям хотелось бы приятно удивить.

ББК 83.3Р7

ISBN 5-1935-2005-4-29

© А. А. Зализняк, 2005

Оборот титула первого издания (2005)

Из парижского года 1956-57

[Записано в 2004 г. Везде, где возможно, сохранены записи того времени; но во многих случаях записи были слишком кратки и пришлось добавлять по памяти. Без всякого редактирования (если не считать пунктуации) приводятся выдержки из писем того времени (все письма – от меня маме). Из кино и театров упоминаю лишь очень небольшую часть – самые запомнившиеся.]

Год предыстории

Началось с того, что в сентябре 1955 года, когда я только что перешел на 4-й курс, меня неожиданно вызвал к себе замдекана Зозуля. Ничего хорошего такие вызовы обычно не сулили, и я приготовился к круговой обороне. После первых пустых фраз Зозуля спросил: «А кстати, как у вас обстоит дело с французским языком?» Я лихорадочно стал вычислять, чем этот вопрос мне грозит. Возможно, меня хотят приставить к какой-нибудь иностранной группе – по одному такому опыту мне это дело страшно не понравилось: потом отвратительные начальники будут требовать отчетов и доносов. Я ответил: «Да я его почти что и не знаю. У меня ведь основной язык английский, а французским я просто чуть-чуть занимался самостоятельно». – «Да? – сказал Зозуля. – Ну а, допустим, лекцию на французском языке вы могли бы понять?» Хотя в тот момент я еще даже в самом вольном воображении не мог допустить того, чем все это потом оказалось, я все же заподозрил, что тут могло быть что-то интересное. «Ну, это, – сказал я, – может быть, и смог бы». – «Ну а учиться во французском университете вы могли бы?» Это было подобно внезапно разверзшимся небесам. С трудом сдерживая дыхание, я ответил: «Ну в этом-то уж совершенно никакой проблемы! Без всякого сомнения!»

Почему при наличии целого французского отделения выбрали меня, студента английского отделения? Ответ я узнал много позднее. Он оказался совершенно советским: ни на одном из пяти курсов во французской группе не было ни одного мужчины! А в разрядке от высшего начальства значился мужчина: девицы считались слишком ненадежным человеческим материалом для посылки за границу. Факультетскому начальству не хотелось признавать, что они не могут выставить ни одного человека по представленному заказу. И, видимо, кто-то сказал, что, дескать, у нас есть один такой отличник, который занимается разными языками. Думаю, сыграло роль и то, что по прочной советской традиции гораздо более подходящими для посылки за границу считались не те, кто знал иностранный язык хорошо, а как раз те, кто знал плохо, а еще лучше, чтобы совсем не знал. Так что реальное знание языка никого всерьез не беспокоило. А комсомольская репутация у меня была достаточно благополучная.

Началось хождение по иностранным отделам и инструктажи. Все делалось спешно: ведь учебный год уже начался. Отъезд, как мне сказали, будет через неделю или две. Я бросился изучать карту Парижа и различные энциклопедии, спешно подучивать язык.

Постепенно стало выясняться, однако, что формула «через неделю или две» действительна для любого момента, когда бы я ни позвонил в иностранный отдел, – в октябре, ноябре, декабре... «А как же мне быть с зимней сессией?» – спросил я. – «На всякий случай сдавайте», – отвечал иностранный отдел. В такой же перманентной предотъездности прошла зима и весна, и я уже без всяких выяснений пошел сдавать летнюю сессию. А после этого махнул рукой и, плюнув на требование не отлучаться из Москвы, в августе пошел в байдарочный поход по Днестру. В Одессе меня ждало сообщение до востребования о том, что нужно срочно прибыть в Москву для отправления в Париж.

Еще один инструктаж, на этот раз не где-нибудь, а на Старой площади, в ЦК КПСС. После полагающихся слов о долге перед Родиной и т. п. переходят к существенному – о женщинах: «Годик надо железно потерпеть».

И вот, после года сидения на чемоданах, когда надежда уже практически угасла, отъезд все-таки состоялся.

Сентябрь 1956

Пятница 21 сентября 1956. Самолет Москва-Хельсинки, лечу с Колей Ананьевым (он из Инъяза). Умом понимаю, но все равно кажется поразительным: сверху совершенно не видны границы! Далее Хельсинки-Копенгаген. Далее Копенгаген-Париж самолетом Air France. Уже ночь.

Париж появляется под крылом в виде моря, океана огней. Вдруг этот огненный мир встает верти кально: самолет делает полукруг. И вот уже несутся назад синие наземные огни. «Au revoir, Messieurs-dames!»

В аэропорту сюрприз: никто нас не встречает.

Человек в форме обращается ко мне: «Voulez-vous faire une déclaration, Monsieur?» Что это значит? Неужели вот так прямо, в первую же секунду меня спрашивают, не хочу ли я сделать заявление о том, что я выбираю свободу? Собираюсь в комок и хрипло произношу «Non!». С совершенно равнодушным видом – нет так нет – пропускает меня.

Но надо как-то добираться до города. Подхожу к такси: «Сколько стоит до rue de Grenelle?» В ответ цифра для нас совершенно фантастическая. Но вот подходит автобус Air France с надписью Londres – для прибывших из Лондона. Решаемся влезть в него. Рассказываем водителю о себе. Он заинтересован, приветлив, только просит на память советскую монетку; нашлись 15 копеек. Автобус постепенно заполняется и трогается.

И вот уже городские улицы. Сердце начинает бешено биться. Пытаюсь разглядеть надписи, но все мелькает слишком быстро. Сколько дней я просидел в Москве в библиотеке над картой Парижа! даже перерисовал ее своей рукой. Вдруг автобус тормозит перед красным светом и я ясно читаю: Place d'Italie. «Place d'Italie! – кричу я Коле в яростном возбуждении, – сейчас мы повернем налево!» Коля, которому нестерпимо стыдно за меня, шепчет: «Ну молчи или тихо говори, если знаешь, а главное, пальцем не показывай!»

Аэровокзал: les Invalides. Отсюда до rue de Grenelle уже рукой подать, мы доберемся пешком. И вот мы на пороге посольства. «Ваши документы! Только что прилетели? Нас никто о вас не извещал». Отправляют нас в гостиницу Pont Royal на rue du Bac, где уже живут другие наши студенты.

Суббота 22-е. Мне нужно где-то найти почту и отправить телеграмму домой. В Москве на инструктаже нам было объявлено железное правило: ходить по городу мы имеем право только вдвоем, в одиночку ни в коем случае нельзя. Добросовестно ищу себе напарника. Но мои сотоварищи заняты: играют в пинг-понг в подвале посольства. «Но мне же обязательно нужно!» В ответ мне смеются: «Если нужно, так и иди!» Они-то уже порядочно прожили здесь. И я начинаю догадываться, что между Москвой и Парижем разница не только в трех тысячах километров.

И вот я впервые один на парижской улице. Бульвар Сен-Жермен. Реклама, вывески, надписи – всё плывет навстречу, сливаясь в один неразличимый поток. Внимание ни на чем не может остановиться. Журнальный ларек – смотрю и ничего не вижу: на меня глядят сто цветных обложек сразу... Может быть, потому, что так много яркого солнца и так ослепительно сверкают витрины, слегка кружится голова и больно глазам. Чувство нереальности происходящего не отпускает.

Названия улиц почти все знакомы, и каждая надпись дает какой-то странный резонанс в душе. Ощущение, что ты всё это прекрасно знаешь, только просто еще не видел. Вот если сейчас поверну налево, то выйду к Сене у самого Нотр-Дама. Поворачиваю – он действительно стоит на своем месте. В свете солнца ровно там, где и должны быть, поблескивают химеры.

Ближайшие дни провожу на улицах, пересекая город во всех направлениях, практически все время с утра до вечера. Разумеется, никогда не спрашивая дорогу: это вопрос чести.

27-е. Фотографирую мальчишек на заборе. Неожданная реакция: «Merci!»

28-е. Трокадеро. Играют малыши, совсем крошки – ничего необыкновенного. Но вот что совершенно поразительно: они говорят по-французски!

Вечером в театре Olympia знаменитый Eddie Constantine, американец. Публика принимает его восторженно. И вот он объявляет новый модный американский танец: rock and roll. На сцене появляется девица-конферансье – и тут же становится его партнершей. Зал хлопает в ритм в ладоши, топает ногами, беснуется. Но постепенно поднимается также и свист. Танец прекращается. Eddie Constantine что-то объясняет публике, но слов уже не слышно.

Воскресенье 30-е. Появился Мишель Окутюрье, которому я позвонил. Едем вместе к Клоду Фриу. (С ними двоими я знаком по Москве – это были первые французские студенты, присланные по обмену в МГУ; но сейчас они уже работают – один в Тулузе, другой в Страсбурге, – и в Париже их можно найти только в воскресенье.) Оба в один голос говорят мне: «Тебе нужно поступить в Ecole Normale. Ты сейчас еще все равно не сможешь понять, почему это хорошо, – поймешь, когда поступишь».

Слушаем испанские народные песни в исполнении Жермен Монтеро. (Это единственная пластинка, которую я потом привез в Москву.)

Решаю: всё, чего не знаю, буду спрашивать, ссылаясь на разницу обычаев. Хорошо помогает. С языком немножко легчает.

Октябрь

Среда 3 октября 1956. Появился Анри Гросс, который тоже провел год в МГУ. Зовет меня к себе в Сен-Рафаэль, на Средиземное море.

Все время наталкиваюсь на русских таксистов. Один из них рассказывает: уехал в 1920 году – Галлиполи, потом Париж. С 1936 года переписка с родными оборвалась. Копит деньги, чтобы съездить в СССР – посмотреть. Но уезжать, конечно, не станет: здесь у него дом, огородик; брат женат на француженке, племянница уже почти не знает по-русски, да и брат сильно подзабыл язык. И шоферский заработок его устраивает. «Я сперва скучал, а теперь уж к Парижу привык».

В кино перед началом фильма показали документальный широкоэкранный фильм «Феерия в Бразилии» о карнавале в Рио-де-Жанейро. Понравился чрезвычайно – сильнее всех виденных пока что художественных фильмов. Снят буйно, фантазмагорически. Запал в душу. Много раз вспоминал его потом, например, когда смотрел «Черного Орфея».

4-е. Фриу отвозит меня в Ecole Normale и представляет вице-директору Прижану. Тот любезен, дикция артистическая, как на уроке французского языка. Фриу проводит меня по Ecole Normale, показывая все ее прелести и секретные закоулки. Знакомлюсь с золотыми рыбками в бассейнике внутреннего двора – les Ernests, по имени знаменитого историка Эрнеста Лависса, который был в 1904–1919 гг. директором Ecole Normale. Фриу объясняет, что здесь были и Пастер, и Ромен Роллан, и Шарль Пеге... Школу открыл Наполеон, чтобы готовить верные императору преподавательские кадры. Но она всегда отличалась левым направлением. Был даже случай, когда какие-то провокаторы вывесили над ней красный флаг. При всех революциях правительство начинало с того, что ее закрывало, – в 1848, в 1870. До меня начинает доходить, что место хорошее.

Прижан дает мне записку для библиотекаря школы: «Monsieur Zalizniak qui sera sans doute notre élève...» Сообщаю Фриу, что дело уже практически сделано: Прижан написал «без сомнения будет нашим учеником». Фриу смеется и мягко объясняет мне, что sans doute – это всего лишь «может быть»: французские выражения быстро изнашиваются. А «без сомнения» – это sans aucun doute.

Пятница 5-е. Вечером у нас в гостях Миша Васильчиков, из потомков старой эмиграции, с невестой Жаклин. От Жаклин – сильнейшее впечатление. Когда вошла – стало даже горько за то, что Бог так обидел женщину внешностью. И вот мы проводим вечер, и Жаклин в общении оказывается такой бесконечно обаятельной, что все очарованы. К концу вечера мы не верим своим глазам: да она же, оказывается, красива! Такой получился сверхнаглядный урок того, что такое французская красота.

Воскресенье 7-е. Кино: «Gervaise» Рене Клемана. Вечером, гуляя по темным улицам около Comédie Française, как-то задумался, замечтался – и лишь совершенным чудом успел козлиным прыжком отпрыгнуть назад от машины, которая выскочила на большой скорости. Оказывается, я был посреди мостовой. А водитель даже не успел начать тормозить. Когда я осознал, что произошло, уже исчезли даже его задние красные фонари. Вот, думаю, как быстро могла закончиться моя изумительная французская эпопея. Урок запомнил.

Вторник 9-е. Являюсь к Прижану и он ведет меня представлять самому директору Ecole Normale философу Ипполиту. Происходит нечто вроде изящной формы собеседования – о Паскале, о Пикассо и т. п.

Среда 10 октября. Иду, как мне велено в Ecole Normale, в Министерство иностранных дел. Адрес мне известен даже из советских газет: Ке д'Орсе. Этот совершенно условный звук здесь разворачивается в реальную длинную набережную Орсе; прохожу всю ее пешком. Никогда в жизни не бывал в учреждениях столь высокого ранга. Поражаюсь тому, что меня никто не задерживает и не проверяет. Без особого труда нахожу нужную комнату. Важная дама подробно допрашивает меня о всех моих прошлых и будущих занятиях; спрашивает даже названия курсовых работ! К счастью, Вячеслав Всеволодович Иванов снабдил меня списком всех парижских профессоров, у которых следует слушать лекции, – с твердым наказом: лекции надо выбирать не по тематике, а по лекторам. В результате дама дает мне рекомендательное письмо в полицию: «Avec ça ça ira tout seul» (с этим все пойдет как по маслу).

11 октября. В префектуре на основании письма от дамы за час получаю carte de séjour (вид на жительство). В посольстве выразили неудовольствие моей самостоятельностью: все подобные документы они получают (или не получают) для советских сами. Полагаю, что уже с этого момента я у них не на лучшем счету. Но за границей не орут на подданных как в Москве: мало ли что из этого может выйти...

Из письма от 11 октября 1956

В Сен-Рафаэле я пробуду 10–12 дней. Обрато Гросс повезет меня через всю Францию на машине. Перспектива действительно чудесная. Между прочим, оцени прогресс: я один, без всякого присмотра проведу две недели за 800 километров от наших организаций в чисто французской среде. Только не бойся, пожалуйста. Всё будет великолепно: здесь мы не встречали никаких проявлений или намёков на враждебность или что-нибудь подобное. Везде самое любезное отношение. Кроме того, я еду уже с французскими документами и при желании могу вообще никому не говорить, кто я. Скажу, например, англичанин.

11 октября (продолжение). Еле успеваю на Лионский вокзал к поезду 21.50 на Марсель. Известить Анри Гросса не удалось, так что еду без предупреждения. Поезд набит. Многие стоят. Сажу на чужом чемодане, с любезного согласия хозяина. И так всю ночь.

12-е. За окнами начинает светать. Авиньон. Пролетаем Тараскон. Остановка в Арле. И вот уже море и Марсель. Видно, что это что-то большое и значительное, но с Парижем в моих глазах уже ничто не может сравниться.

Поезд на Вентимилью («Вот это да! Вентимилья – это же уже Италия!» – щелкает в голове). Часа два пути, и я в Сен-Рафаэле. С поезда сходят, считая меня, два человека. Совершенно пустынно. Телефон Гросса не отвечает. Иду по адресу – с приятным холодком от мысли о том, в каком невероятном конце света я сейчас нахожусь. Здесь уже не обойтись без расспросов. В конце концов оказываюсь в кондитерской, хозяйка которой мне говорит, что Гроссы уехали на весь день. Ухожу гулять по городу. К вечеру вся семья уже на месте: родители Гросса и брат Мишель с молодой женой Мишель.

Из письма от 16 октября 1956

Представь себе, например, такое: с маленьким портфельчиком в руке – приблизительно с таким же разъезжал я когда-то по городам Крыма – я выхожу вечером из отеля. До поезда, как всегда, считанные минуты – без такси не обойтись. Останавливаю первого проезжающего таксиста: «На Лионский вокзал!» И вот уже мелькают здания Лувра, мосты, улицы, набережные Сены... Вбегаю в здание вокзала, беру самый дешевый билет, спрашиваю номер платформы – все это страшно привычно и в то же время фантастично, почти нереально. Экспресс Париж-Марсель. Второй класс забит напрочь – солдаты и матросы; многие из них – в Алжир. Трогаемся. Неприглядные

здания парижских пригородов. Через 15 минут хода скорость уже чудовищная – конечно, больше 100 км/час. Ночь. Всё страшно похоже на фильм «Тереза Ракен». Это ведь тот же самый поезд; только тот шел обратно, из Марселя в Париж. Шалон. Даже вздрагиваю – помнишь, в фильме тот, убийца, – он сошел в Шалоне. Самая большая разница – те-то ехали в первом классе, их было трое в купе; у нас же везде полно; я прикорнул на чьем-то чужом чемодане в коридоре – мне ведь не привыкать. Макон, Лион, Валанс, Авиньон... Светает. Сейчас проедем Тараскон – самый настоящий, из настоящих домов и деревьев. Сфотографировать его? Но куда там! При скорости 130 км/час крыши городка пролетают мгновенно.

Марсель. Море. Огромная афиша: «Марсель – перекресток мира!» А еще через некоторое время еду на электричке (опять с фантастической скоростью) вдоль Лазурного берега. Поезд через Тулон, Канны, Ниццу, Монте-Карло идет в Италию. Но на этот раз мне до Италии не придется доехать. Выхожу в Сен-Рафаэле. Телеграммы не давал; никто не встречает – привычное дело. И вот с портфельчиком иду по маленькому городку Французской Ривьеры, спрашиваю у встречных дорогу. Где-нибудь в Алуште всё это было бы очень похоже...

<...> Отношение ко мне в семье [Гроссов] – самое хорошее. <...> Все-таки у французов удивительный характер. Смех, шутки, поддразнивают друг друга – все время. <...> Обед и ужин – самое интересное время. За час слышишь столько шуток, насмешек, пикировки, смеха. А я еще не все понимаю, то есть на деле еще больше...

[Далее идет рассказ о едах.] Надо сказать, что кое в чем они действительно меня переубедили; о «крепком» сыре я уже писал; кроме того, конечно, полусырой бифштекс – я уже почти согласен с ними, что в Советском Союзе совершенно не понимают, как надо готовить мясо; в-третьих – здесь почти всегда разбавляют вино водой; в здешних условиях я это весьма оценил, как средство не терять работоспособности. Как меня дружно уверяют все французы, мне осталось теперь только полюбить устриц, улиток и лягушачьи ножки. Смеются безудержно, когда говоришь им, что это-то и вызывает у русских наибольший ужас. Погляди – увидим.

Ты не подумай, что я столько этой гастрономии места уделил, потому что мне здесь делать нечего кроме как гурманствовать; просто в первые недели это была немаловажная часть моих затруднений и хочешь не хочешь, а определенного внимания требовала.

Тебя, наверное, интересует, как я вообще еще не погиб здесь, загрязнев, запаршивев, забородатев и овшивев. Так вот нет же. Бреюсь через день; первое время казалось, что я только и делаю, что бреюсь. Присматриваю себе электробритву – надо только скопить денег. Стираю, глажу, пришиваю пуговицы сам. Купил себе нейлоновую рубашку, которая стирается в холодной воде и которую не надо гладить. Вот так.

13 октября. Семейные обеды у Гроссов – спектакли остроумия, поддразнивания и задирания друг друга. Мне достается не меньше других. Пойман на том, что уже готов был обидеться («сколько же можно донимать человека непрерывным taquinage!»), и опозорен за это. Тоже славный урок. Еще и великолепным образом припечатан: «Между прочим, по-французски taquinerie, а не taquinage!».

17-е. Большая автомобильная экскурсия: Канны, Ницца, Èze, La Turbie, Монте-Карло. Знаменитое казино, на нем доска в честь Дягилева. Объясняют, что здесь много русских; вот,

например, отель Rodnoï. Получил на почте, где покупал марки Монако, сдачу – две монеты Монако по 50 франков с принцем Ренье.

19-е. Фрежюс. Идем купаться; вода, впрочем, уже не слишком теплая. Мне показывают фрежюские балконы: «Смотрите, они здесь как в Испании».

20-е. Вечером общий отъезд. Предстоит не торопясь пересечь почти всю Францию с юга на север на машине. Ночная дорога при луне. Первая ночевка – в Эксе (Aix-en-Provence). Гостиница La mule poire. Смотрят паспорта. Доходит очередь до меня. «Это со мной», – решительным тоном говорит Гросс-старший; он явно не хочет, чтобы начиналось разбирательство с моим экзотическим гражданством. Служащий кивает.

21-е. Гуляем по Эксу: Cours Mirabeau, университет Экс-Марсель, собор, старинные дворы, базар. Отправляемся дальше. За рулем попеременно Гросс-отец и Мишель; скорости огромные. Авиньон: дворец пап. Vaison la Romaine: великолепный римский театр. Проезжаем Монтелимар, столицу горчицы. К ночи мы в Лионе; успеваем еще совершить ночную прогулку по городу.

22-е. Из Лиона продолжаем путь на север – через Бургундию и Шампань. Остановка на обед в Отэне (Autun, некогда Augustodunum). «Отэн – правильное место для того, чтобы в своей программе ознакомления с Францией вы попробовали улиток (escargots)», – говорят мне Гроссы. Приносят: каждая в своей отдельной чашечке размером с крупный наперсток. Пробую – оказывается великолепно. Правда, за вкуснейшим соусом и приправой трудно уловить, что именно приходится на саму улитку. Своей реакцией доставляю хозяевам искреннейшее удовольствие.

Проезжаем Аухегге и Sens. Уже темнеет, когда въезжаем в лес Фонтенбло. И вот конец пути: Рамбуйе, дом Гроссов под Парижем.

26-е. Париж. В Ecole Normale, на приеме у Прижана: «Вы приняты, вселяйтесь 30-го».

Воскресенье 28-е. Визит к Андре Мазону, славистическому патриарху. Любезен. Извиняется, что немного отвык от русского языка, говорит по-французски.

29-е. Визит проректора МГУ Вовченко в посольство. Пожелал видеть студентов. Удивлен, что в группе есть и один настоящий университетский (то есть я; все остальные из Ингъза): «А мне казалось, я всем вам сам выписывал перед отъездом университетские студенческие билеты».

Из письма от 29 октября 1956

Произошла революция в моей личной жизни – купил себе электробритву (поднатужиться пришлось немало – стоит она 7000 франков). Это, по-видимому, пока самое сильное впечатление от западной цивилизации (в узком смысле, конечно).

Среда 31 октября. Переселяюсь в Ecole Normale. Никого нет, но на столе плащ и «Populaire» – газета социалистической партии. Потом мне рассказали, какое бурное было в Ecole Normale обсуждение: с кем поселить советского? Для них, разумеется, любой человек – это прежде всего остального член такой-то партии. Первая мысль была: поселим, конечно, с коммунистом. «Скучно, пошло! – закричали другие. – Давайте, наоборот, поселим его с фашистом!» Решили, однако, что это тоже довольно плоско. Придумали несравненно более изысканное: поселить с социалистом. Вот где они по-настоящему сцепятся! (Как потом выяснилось, они ужасно просчитались: мой деликатнейший и тактичнейший социалист ни разу за весь год не вступил со мной ни в какую политическую дискуссию.)

Во второй половине дня меня принимает у себя, на rue Monticelli, Бенвенист. Разговор продолжается довольно долго, но без всяких чашечек кофе и т. п. Разговаривает очень

серьезно, не сверху вниз. Один раз только не сдержал улыбку, когда на какой-то его вопрос («есть ли такие русские, которые произносят...») я ответил уже подхваченным уличным парижским у'еn а.

Подробно обсуждает вопрос о критериях разграничения языка и диалекта. Наиболее объективным считает критерий взаимопонимания. Родство (или точнее, близость) языков можно оценивать в строго синхроническом плане; для этого необходимо выделить весь комплекс общих характерных черт. С другой стороны, Бенвенист считает возможным и полезным учитывать фактор осознания языкового единства, например, определенное чувство принадлежности к широкому языковому кругу, существующее у славян. Спрашивает, какова степень взаимного понимания русских и украинцев. Я пытаюсь доказывать, что эта степень меньше, чем он полагает (по его мнению, это единый язык).

О методе сравнения языков Бенвенист говорит: мы навсегда покончили сравнение отдельных фактов, отдельных парадигм, отдельных слов. Современное сравнительное языкознание обязано полностью изучить *синхронически* все привлекаемые лингвистические *системы*. Это изучение должно быть таким же тщательным, как современные синхронические описания новых языков, и однотипно по методам. Затем приступают к сравнению и сравнивают одну лингвистическую *систему* с другой. То же – при сравнении двух этапов развития одного и того же языка.

Ночью лег спать, накрывшись снятыми ширмами: постели еще нет.

Из письма от 8 ноября 1956

Главное я сделал: с Бенвенистом я виделся, он обещал мне содействие, помощь в выработке рациональной программы и в некотором роде руководство.

Ноябрь

Четверг 1 ноября 1956. Проснулся – моего социалиста все нет. Начальства нет, все закрыто: la Toussaint (день всех святых). В Ecole Normale меня до 2 ноября еще не кормят. Отправился, по совету своих покровителей, в дешевый ресторанчик Julien на rue Soufflot – для студентов и бездомных.

Влез на Нотр-Дам к химерам. Париж слегка затянут белёсым туманом. Очень красива внизу набережная Сены. Деревья – ярко-желтые. По площади ходят крохотные человечки. Потом еще посидел в полумраке внутри собора на службе. Черные от времени готические своды, романтическая аура, навеваемая словами «Собор Парижской Богоматери»... Действует сильно.

Вечер у Фриу. Знакомит меня с языком Ecole Normale: pot – 1) еда вообще, 2) обед, 3) столовая Ecole Normale, 4) интендант; tapir – платный репетируемый. Теперь я уже смогу понять объявления: «Pots de thurne, à cause d'une longue tradition sont autorisés», «Les thurnes №№... servent au tapirat; la tapirisation dans les autres thurnes est interdite».

Потом Фриу везет меня на «Il bidone» Феллини; очень рекомендует мне его «Дорогу», которую я еще не видел. Еще часа два потом обсуждали, сидя в маленьком ресторанчике Латинского квартала, так что вернулся в Ecole Normale поздней ночью. И ничего! – полная свобода режима, в отличие от Cité Universitaire.

Спать залег снова под теми же снятыми ширмами.

Пятница 2 ноября. Меня разбудил Жан Метейе, мой cothurne (сосед по комнате). Знакомимся. Он классик, в Ecole Normale второй год. Тоже 1935 года рождения, так что я неофициально считаюсь теперь как бы приписанным к его курсу. Позже я узнаю, что его отец – один из главных деятелей социалистической партии; в нынешнем социалистическом правительстве Франции он военный министр. Но мой Метейе с явным неудовольствием относится к любому упоминанию в его присутствии его отца. Родители Метейе живут под Парижем (в Шату), и он имеет полную возможность жить дома. Но реально он уезжает из Ecole Normale домой только на воскресенье, иногда еще на субботу.

Днем иду на коллективное интервью советских студентов для журнала France-URSS. В посольство надо ходить на хор. Манкировать не положено: это такое место для поддержания должного уровня патриотизма и ностальгии.

Метейе добыл мне постель.

Венгерские события продолжаются уже 10-й день. В Египте интервенция. Французская северная Африка на грани войны. Всё это вижу в actualités в кино.

Суббота 3-е. Завтрак проспал: он, оказывается, начинается в 7 часов, а в 9 идти в столовую уже бесполезно – съедают все чисто. Иду в бельевую сдавать белье. Принимает молодая женщина. «Вы из СССР? Неужели? Вот мой билет КПФ, смотрите! Вот портрет Сталина, никогда с ним не расставалась, а теперь оказывается, что же? – сами видите... Все-таки он, наверное, слишком доверял Берии...» И еще довольно много в том же духе. «У нас все члены партии между собой на ты. Вот встречу Мориса Тореза – скажу ему ты. А у вас? Среди персонала только я одна член партии. Среди учеников – около двадцати. Вот году в 46-м – 47-м было другое дело – тогда было больше шестидесяти». И потом: «Это и все, что у вас есть из белья? Так мало? Приходите в понедельник, для вас я все сделаю в два дня, другое дело, если бы еще кому-нибудь».

Среда 7 ноября. Мне указано, что в моем пиджаке и ботинках нельзя появляться на посольском приеме в честь 7 ноября (а о том, чтобы не явиться на прием, не может быть и речи). Выручает Метейе: едет со мной в магазин Louvre, и мы покупаем и то и другое: «Это так, для срочности, – говорит он, поскольку костюмчик дешевенький, для приемов, по его понятию, мало пригоден. – Настоящий костюм мы тебе купим к Новому году». (Мне он прослужил потом в качестве парадного, если не ошибаюсь, лет двадцать пять.) Выдают костюм как есть, раз он нужен уже сегодня, но с тем, чтобы завтра принес снова для подгонки.

В городе антисоветские демонстрации. На всех подходах к советскому посольству внутренние войска в черных касках. Пропускают к посольству только по документам о том, что ты из СССР.

5–8 ноября. В Ecole Normale ритуал инициации conscripts (только что принятых, новобранцев). На меня он не распространяется; старшие – Луи Ален и Луи Мартинез, которые как бы взяли меня под опеку, только водят меня смотреть на эти забавы. (Разумеется, иностранцы избавлены от этого ритуала не потому, что их жалеют, а потому, что им не положен тот полноценный статус, дорогу к которому он открывает.) Первобытная основа здесь, конечно, та же, что на Новой Гвинее и в отечественной дедовщине. Но во французском исполнении это все же поэлегантнее и поостроумнее. Старшие изощряются в том, какую бы каверзу устроить в комнатах новобранцев. Украли у них, например, все одеяла и вывесили на веревке, которую умудрились протянуть между двумя зданиями Ecole Normale на высоте пятого этажа. Специальный трибунал из старших делит всех новобранцев на пятерки и дает каждой пятерке какое-нибудь издевательское задание, например, доставить в Ecole Normale дощечку с надписью Place de l'Etoile, сняв ее с площади, или лифчик Брижит Бардо с ее личной дарственной надписью. Это называется course aux trésors (гонка за сокровищами). 8 ноября при полном собрании всех учеников происходит итоговое судилище – fête de réconciliation (праздник примирения). Капитан каждой пятерки должен предъявить свои трофеи главному судье и отбредиваться от его свирепого натиска. Кое-кому удастся сделать это с блеском, и тогда зал живо его приветствует. Всё происходит, конечно, на таком густопсовом жаргоне и с такой массой недоступных мне фоновых знаний, что мне за их остроумием не уследить; кое-что мне успевают объяснить мои покровители.

Пятница 9-е. В разговоре о Симоне Синьоре один из соучеников говорит мне: «Может быть, ты хочешь на нее посмотреть? Это очень просто: она сейчас снимается в «Салемских колдуньях» на студии Francœur; это на Монмартре. Поезжай и просто заходи». Сказано – сделано. Еду и нахожу киностудию Francœur. Никто ничего меня не спрашивает. Над одной из дверей горит надпись: «Идет съемка, не входить». Стою. Но как только надпись погасла, набираюсь духу и вхожу. Никому до этого дела нет. Оказываюсь в полумраке. Огромное помещение, до предела загроможденное разнообразным реквизитом. В каждом углу построена, очень нагрубо, имитация какого-нибудь интерьера. Везде провода, осветительные приборы, громоздкие агрегаты на колесах. Во всех направлениях ходят занятые каждый каким-то своим делом люди. Иногда даже наталкиваются на меня, но не обращают решительно никакого внимания. Понемногу смелею и начинаю подходить поближе к местам активного действия. И вот вижу два пустых стула с надписями: Yves Montand, Simone Signoret. И тут же рядом вижу и их обоих. Оба мне необычайно нравятся. В данный момент у них, видимо, какой-то перерыв. Стою рядом то с одним, то с другой из них, наслаждаясь волнующей обстановкой некоего всеобщего анонимного сотрудничества. Обратиться, конечно, не решаюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.